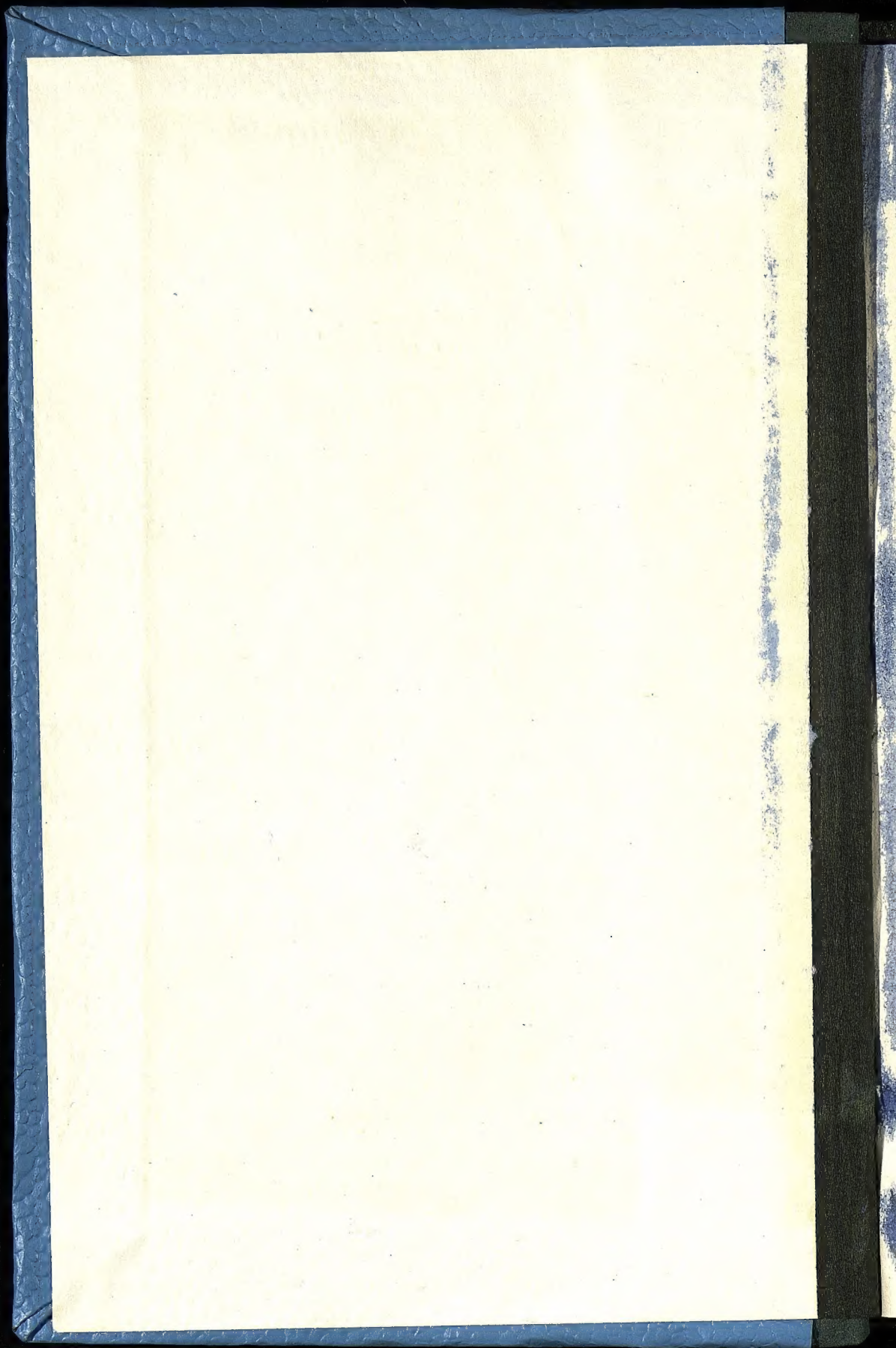
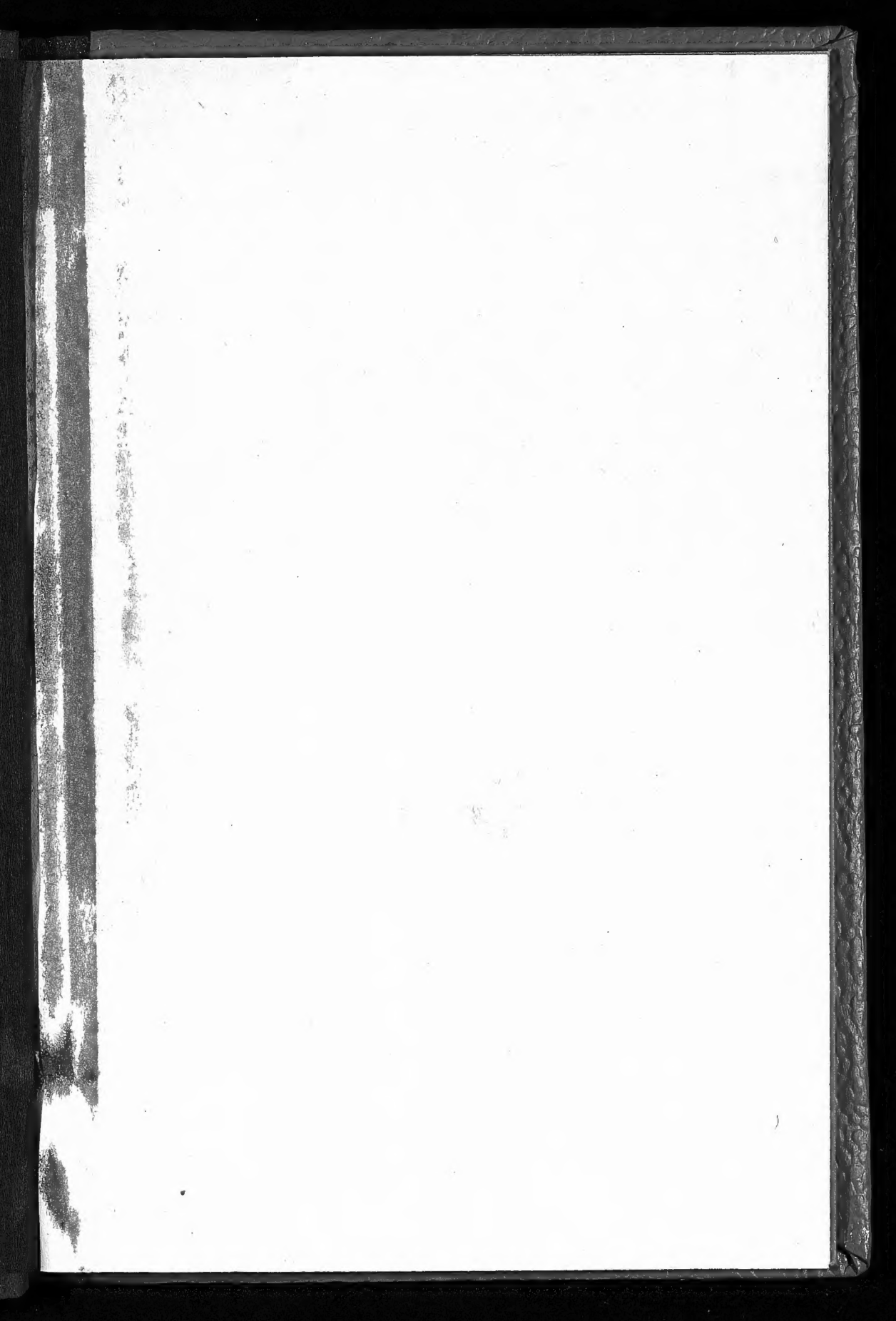
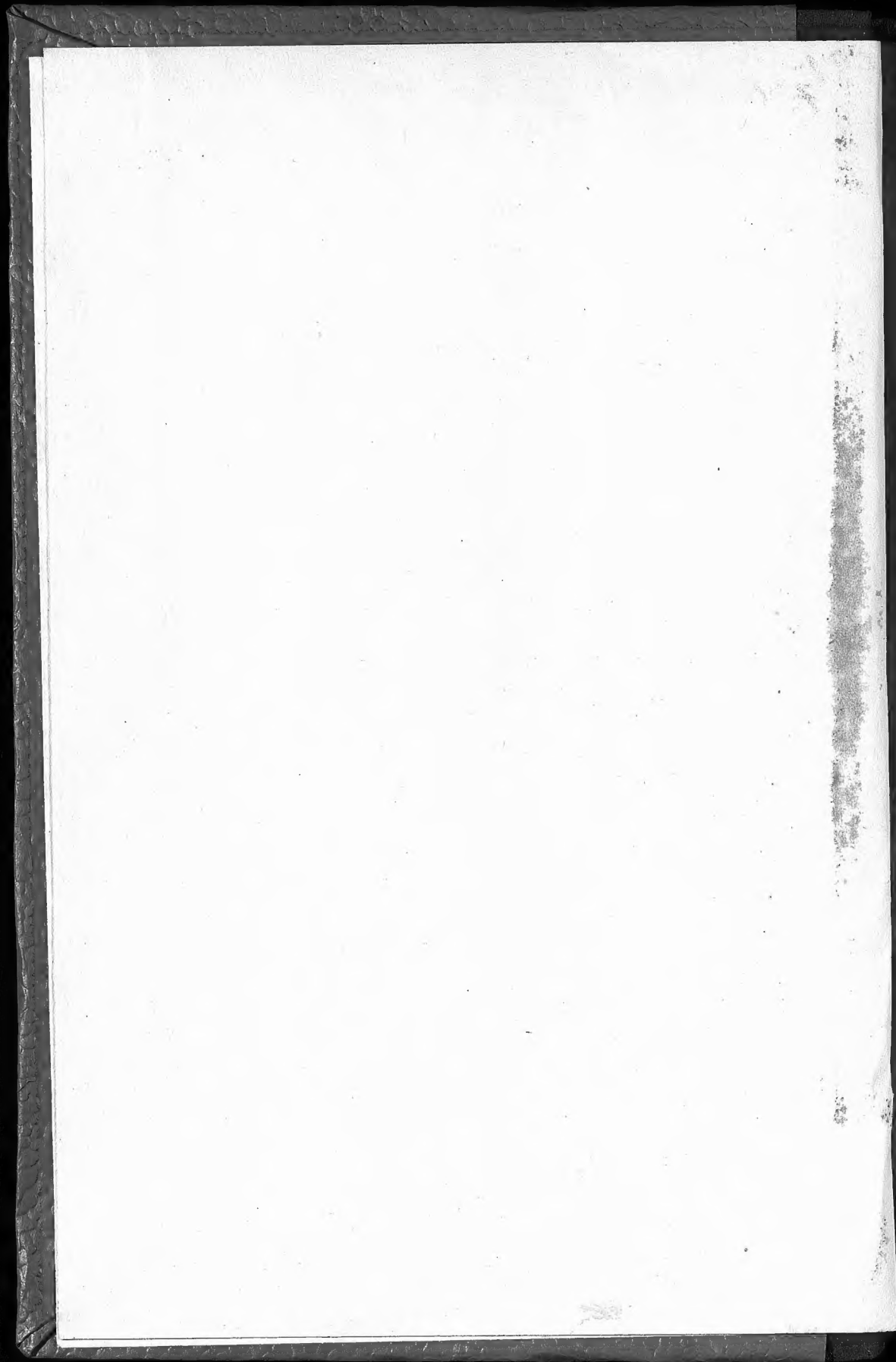

834 734

Е34-734

Е. БУДДЕ.

X

ГЛАВНѢЙШІЯ ЧЕРТЫ
НАРОДНАГО РУССКАГО ГОВОРА
въ Казанской губерніи.

Оттискъ изъ „Русскаго Филологическаго Вѣстника“.

ВАРШАВА.

ТИПОГРАФІЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.
Королевская № 13.

1894.

В. ПАДЪ

В. ПАДЪ

В. ПАДЪ

В. ПАДЪ

Дозволено Цензурою.

Варшава, 13 октября 1894 года.

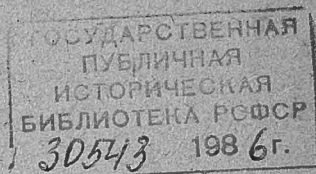
В. ПАДЪ

В. ПАДЪ

В. ПАДЪ

В. ПАДЪ

E34—
734

ГЛАВНѢЙШІЯ ЧЕРТЫ НАРОДНАГО РУССКАГО ГОВОРА въ Казанской губерніи.

Проф. Соболевскій справедливо жалуется въ своемъ „Очеркѣ русской діалектологіи“ (Б. Сѣверно-великорусское, или окающее поднаръчіе. Стр. 7) на то, что у насъ нѣтъ свѣдѣній объ не цокающихъ говорахъ Казанской губ. Но, кромѣ этого, мы даже не знаемъ, есть-ли вообще цокающіе говоры въ Казанской губерніи, и можемъ только пока предполагать на основаніи нѣкоторыхъ косвенныхъ и мимолетныхъ замѣчаній, сдѣланныхъ различными этнографами совсѣмъ по другому поводу, что въ Казанской губерніи должны быть мѣстами и такіе говоры, гдѣ слышна взаимная мѣна звуковъ *ц* и *ч*. Такъ, мы имѣемъ свѣдѣнія о томъ, что казанцы, будто-бы, зовутъ *вятчанами* свой городъ Мамадышъ за его *вятскій* говоръ (Соболев. *ib.* 17. прим. 6). Но что собственно вятскаго въ говорѣ жителей г. Мамадыша, достовѣрно неизвѣстно по печатнымъ свѣдѣніямъ: можетъ быть, здѣсь мы слышимъ вятскую цѣвучесть и растянutosть, по которой сразу можно узнать вятча; можетъ быть, особыя формальныя отличія въ говорѣ жителей Мамадыша послужили причиной такого прозвища, а, можетъ быть, — и цоканье, такъ какъ вятскій говоръ несомнѣнно — цокающій. Я самъ не слышалъ въ Казани цокальщиковъ, и мнѣ не приходилось встрѣчаться съ жителями Мамадышскаго уѣзда, а потому я въ своемъ сообщеніи огра-

ничусь только тѣми характерными чертами говора Казанской губерніи, которыя меня на первыхъ же порахъ заставили обратить на себя вниманіе.

Говоръ Казанской губерніи есть прежде всего говоръ *окающий* и, слѣдовательно, принадлежит по этому признаку своего вокализма къ говорамъ сѣверно-великорусскимъ; но на ряду съ этой типичной чертой сѣверно-великоруссовъ мы замѣчаемъ здѣсь нѣкоторые признаки смѣшаннаго типа, т. е. черты говора средней полосы Россіи, говора южно-великорусскаго, и это смѣшеніе, хотя и въ незначительной степени, но всетаки достаточно для того, чтобы считать несомнѣннымъ колонизаціонное движеніе въ нынѣшнюю Казанскую губернію не только изъ сѣверныхъ областей Россіи, главнымъ образомъ, изъ областей старой Суздальской Руси, какъ показываетъ современный говоръ, но и изъ областей старой Муромо-Рязанской земли.

Гласные. Въ области гласныхъ прежде всего замѣчаемъ тотъ фактъ, что гласный *а* послѣ твердаго согласнаго, ударяемый или неударяемый, и гласный *о*, находящійся непосредственно передъ ударяемымъ, произносятся ясно, согласно древнему, или орфографическому гласному. Такъ, мы слышимъ: *сѣни, самѣ, ходѣ, носѣ, возѣми, домѣ, ко мнѣ* и т. п. Сюда не подойдутъ только тѣ слова, которыя вошли въ русскій языкъ изъ другихъ языковъ и приняли произношеніе, типичное для данной мѣстности, т. е. тѣ слова, которыя заимствованы сюда изъ литературнаго окающего нарѣчія и приняли въ говорѣ мѣстныхъ жителей мѣстный отглагольный произношеніе. Таковы, напр., слова: *торѣлка, корѣтник* и под. Такимъ образомъ, прежде всего устанавливается тотъ фактъ, что мѣстный говоръ жителей нынѣшней Каз. губ. есть говоръ *окающий*. По этой особенности своего вокализма говоръ Казанской губерніи находится въ ближайшей связи съ такъ называемымъ „сѣверно-великорусскимъ“ говоромъ, который теперь слышится почти на всемъ пространствѣ Новгородской, Олонецкой, Вологодской, Костромской, Ярославской,

С.-Петербургской, Архангельской, Пермской, Вятской, частью Нижегородской, Владимирской, Тверской и частью Симбирской. Правда, что въ перечисленныхъ губерніяхъ мы находимъ, вообще говоря, не однообразный говоръ: есть много оттѣнковъ, по которымъ можно узнать Новгородца, Костромича, Ярославца, Владимирца, Вятчанина и друг., но основной чертой вокализма для всѣхъ нихъ будетъ служить такъ называемое *оканье*; равно и для нарѣчія Сибири эта черта, кажется, остается преобладающей. Такъ какъ оканье по памятникамъ русской письменности несравненно древнѣе аканья, т. е. произношеніе неударяемаго звука *о* согласно съ правописаніемъ является единственно возможнымъ для древне-русскаго человѣка до конца XIII, начала XIV столѣтія, что видно изъ полного отсутствія въ памятникахъ письменности какого-бы то ни было указанія на расширеніе въ произношеніи неударяемаго *о* (иначе бы оно отразилось въ правописаніи)¹⁾, то, естественно, отсюда вытекаетъ и большая связь нынѣшнихъ окающихъ говоровъ съ говорами древнѣйшими по отношенію къ вокализму. Эти древнѣйшіе окающіе говоры русскаго языка, говоры сѣверные, составляли отдѣльную группу говоровъ, которая, благодаря только историческимъ условіямъ, благодаря московской централизаціи, образовала въ XIV вѣкѣ вмѣстѣ съ говорами южными, которые стали къ этому времени произносить неударяемое *о*, какъ *а*, т. е. *акать*, новую семью говоровъ, получившую названіе великорусской. На самомъ дѣлѣ, говоры южные (нынѣшніе „среднерусскіе“) и до этой эпохи находились, и нынѣ находятся въ ближайшей связи, по фонетическимъ признакамъ, съ говорами западнорусскими, изъ которыхъ образовалась около

¹⁾ Такіе примѣры, какъ: „Воню обанавыша мѹра ис тебе“... Сент. Мин. 1095 г. л. 173^a (Ягичъ, Минеи. 230), затѣмъ нѣкоторые въ Псалтыри 1296 г. могутъ имѣть другое толкованіе.

этого времени семья бѣлорусскихъ говоровъ ¹⁾. Нечего говорить о томъ, что мѣнявшіяся историческія условія жизни русскаго народа были причиной и тѣхъ перемѣнъ, которыя происходили и въ діалектическихъ группахъ: нынѣшняя группировка русскихъ нарѣчій нисколько не соотвѣтствуетъ древней; явились смѣшанныя группы говоровъ, взаимныя заимствованія и вліянія, и въ говорѣ жителей нынѣшняго Казанскаго края мы наблюдаемъ также признаки различныхъ наслоеній и нарушеніе цѣлостности окаяющаго типа. Исторія политическая, государственная, не преслѣдовала цѣлей сохраненія діалектическихъ типовъ и группъ.

Мы опишемъ вкратцѣ тотъ обликъ, въ которомъ представляется намъ теперь говоръ жителей Казанской губерніи, поскольку мы успѣли съ нимъ познакомиться, хотя нисколько не претендуемъ на полноту своего описанія и будемъ рады по поводу всякаго новаго свѣдѣнія и указанія.

Гласные по отношенію къ ударяемымъ слогамъ представляются намъ приблизительно, въ слѣдующемъ видѣ; разсмотримъ сначала гласные *о* и *а*.

Ударяемый звукъ *о* въ словѣ „на вóзрастѣ“ звучитъ (по сообщенію В. Д. Корсаковой), какъ *ы*: на вѣзрастѣ. С. Арыпхазда, Каз. уѣзда.

Звукъ о передъ ударяемымъ гласнымъ звучитъ, какъ *о* (оканье): коудá, возítь, хоро́ш, овѣс, обдírка, дровá, морóс, большóй, ково́, топítца, полóк, готóф, полна́, больно́во, рожóна . . . Срв. торéлка, моля́р, корéтник—с. Сунгурово, Каз. у.

Звукъ о въ 3-мъ и 4-мъ слогѣ передъ ударяемымъ звучитъ неясно, т. е. получается впечатлѣніе звука то болѣе близкаго къ *о*, то къ *а*, то, наконецъ, къ глухому. Мы будемъ обозначать этотъ звукъ, если онъ об-

¹⁾ Срв. Шахматова. Изслѣдованія въ области р. фонетики В. 1893. Стр. 253 и 265.

разовался изъ основного *о*, черезъ *ó* съ точкой, согласно принятому обозначенію, такъ какъ въ этомъ случаѣ онъ звучитъ близко къ *о*, если изъ *а* — *а́* съ точкой: доставля́т — 3 ед., говори́ть, согребу́т, покупа́ш — 2 ед., ко́че'рыгу́ (Сунгур.), хо́рошо́, хо́лодны́е¹, мо́лоды́х, рос-порóл... Но въ слѣдующихъ словахъ мы ясно слышали звукъ *о* въ этомъ положеніи: тѣ́ с нятѣ́ плѣту́тца, а на-шы́ з голо́вы (лапти). Е'ровы́-те хорошы́; ко́зофкѣ́ сами шы́емъ из ко́журѣ́; ф́ ко́зофкѣ́; Чебоксар. у. (мѣстности не помню). Въ 4-мъ слогѣ: на поро́ховой-те; *а*: та́рака-ны (Сунгур.); звукъ *а* съ предшествующимъ мягкимъ въ такомъ положеніи звучитъ, какъ закрытое *е* — *е'*: е'рово́-ва-те нѣ́ту (см. ниже).

Звукъ *о* начальный въ 3-мъ слогѣ передъ ударяемымъ звучитъ, какъ чистое почти *у*, иногда съ легкимъ оттѣнкомъ *о*, т. е. какъ бы дифтонгическое сочетаніе *уо*, причемъ элементъ *о* чуть слышенъ, и то далеко не всегда: уста́йтца — 3 ед., у'боты́тсь — н. н. — Чебокс. у., Мар. Поса́дъ, у'бдира́ют — Сунгурово; уд'з'ѣ́вайса — *ibid.*, у'дда-ла́ — *ib.*, у'твори́ла — *ib.*, у'твори́ — *ib.*; убо́значил, утве́зи — Лаишск. у., с. Державино (пом. Клушина); упо́сатца — *ib.*; лѣ́том убо́прѣш: е'шчó жарчѣ́ бу́де'т — с. Сунгурово, Каз. у. Убра́ишлса — 3 ед., упо́ска́тца — 3 ед. (= опу-ск...) — Лаишев. у., д. Брѣхово. Въ слѣдующихъ словахъ, хотя и не начальное *о*, но оно звучитъ близко къ *у*: на-во'ровáла — Сунгур., до'рога́ — Мар. Пос., Чебокс. у., по'ложѣ́л — *ib.* (По указанію Даля (О нарѣчіяхъ LVI) въ Костром. губ. тоже — удѣ́яло, и въ южной части Нижегородской — уставили, уха́та — *ib.* LVII).

Звукъ *о* въ конечномъ открытомъ слогѣ послѣ ударяемаго звучитъ совершенно открыто, близко къ *а*: бо́ль-но², ма́ло², е'ровово²-те, мно́го² (с. Кормачи́), прѣ́мо² — Сунгур., про́со² — *ib.*, не¹ на́до² — *ib.*, ла́дно², хо́рошо² (= хоро́шее), бы́ло², ма́сло², на́шо², да́жо² — *ib.*; но: ма-не́нько — Чебокс. у. (мѣстности не помню). Здѣсь мы соединили въ одну группу слова, восходящія къ типу съ основнымъ конечнымъ *о* и конечнымъ *е* послѣ шипящихъ,

такъ какъ это *е* еще въ эпоху до раздѣленія говоровъ на акающіе и окающіе уже съ отвердѣніемъ шипящихъ расширилось до *о*.

Звукъ о въ открытомъ неконечномъ слогѣ послѣ ударяемаго звучитъ менѣе опредѣленно и болѣе закрыто; его мы обозначимъ черезъ *о* съ точкою. Напр., вино картовня, солodu — род. ед., отъ Алацкова^а-те^і завода, вымѣс'с'а — 2-ед. = вымоешься — Сунгурово; чорному. шолковы — с. Кормачи, Держав. волости, Лаишев. у., Каз. губ., Лайскѣво^а, Свѣяскѣво^а — *ib.* Но въ слѣдующихъ словахъ мы слышали почти чистое *о*: по сибѣрскому трахту, липова кожурá — Чебокс. у. (забылъ названіе деревни).

Звукъ о въ закрытомъ слогѣ послѣ ударяемаго звучитъ глухо, неопредѣленно, такъ что мы его обозначимъ буквой *о* съ точкой сверху: на Алацкомъ заводѣ^і, вѣдолблѣ'ны, бѣсѣф — род. мн., поскѣнь, робѣнькѣ, задѣм, палкой и т. п. — Сунгурово. Въ словѣ „мамынька“ мы имѣемъ *и* послѣ второго *м*. (По сообщенію В. Д. Корсаковой. *Ibid.*).

Звукъ о въ 3-мъ слогѣ послѣ ударяемаго звучитъ такъ-же, неопредѣленно: Алацкѣво^а, но болѣе открыто и близко къ звуку *а*, если онъ стоитъ въ конечномъ открытомъ слогѣ, какъ показываетъ приведенный примѣръ. Срв. не было^а, отъ завода винокур'ново^а, чараш'не'во^а = вчерашняго; сѣне'сѣк, вѣникѣм — Сунгурово, Каз. у.

Звукъ о древне-русское (сѣверно-русское) въ началѣ слова мы имѣемъ въ собственныхъ именахъ, которыя звучатъ въ ювр. съ звукомъ *а*: Ондрышка — Казань, Окуля — Сунгурово, Ондрей — *ibid.* Срв. между прочимъ въ грамотахъ: Ѡлександръ (Договорная грамота Ал. Невскаго и Новгородцевъ съ нѣмецкими послами 1257—59 г. Напѣрскій), Окинѣфо, Олексино — Купчая Новгородская XIV в. (АЮ. № 71. I), въ Новгор. лѣт. XIV в. по Синод. харат. сп.: Онтѣнь — л. 49, при Антоніи — на л. 175. Олъхандра — постоянно, л. 224, 251. Олъхил — л. 231 при Александрѣ на л. 251, и друг. Этимъ начальнымъ *о*, меж-

ду прочимъ, доказывается открытость древне-русского *о* еще до эпохи образованія окающихъ говоровъ, такъ какъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ др.-русское *о* соответствуетъ звуку *а* заимствованныхъ словъ.

Особенно интересны тѣ случаи со звукомъ *о* въ говорѣ Казанской губерніи, гдѣ это *о* есть исконно-русское и восходитъ къ типу общеславянскихъ сочетаній: *о+г(1)* съ такъ называемой (по ученію Ф. О. Фортунатова) „прерывистой“ долготой звуковъ *г* и *1*. Здѣсь мы имѣемъ: робѣтамъ—1 мн. вездѣ, ростѣтъ—3 ед., ѹсѣ равно, а также всегда въ представѣ *роз-*, которая никогда не звучитъ, повидимому, какъ *раз-*: росцвѣтаютъ—Сунг., розгоратца—3 ед. *ib.*, колѣсы роскѣтютца, роскѣлетъ—3 ед., рош'ш'ѡт, розмѣзала, рош'ш'ѣтыватъ—3 ед. — Сунгурово и мн. др. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ древнерусское *о*, засвидѣтельствованное памятниками, написанными на чисто-русскомъ языкѣ или съ небольшою примѣсью цсл. элемента. Напр., мы имѣемъ уже въ Изборникѣ 1073 г.: роспытоваѣтъ—3 ед., л. 10d, роскажитъ—3 ед., л. 11a, розоумѣша—3 мн., л. 18c, роздѣлишася—3 мн., л. 138, 162. Также въ знаменитой Смоленской грамотѣ 1229 г. (Русско-Лив. Акты, 424, сп. А.): аже розгнѣвается князь; въ Сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ по Сильв. списку XIV в.: зане розлучаемъ нужею—л. 91a. (Срезневскій). Въ Лавр. списокѣ Начальной лѣтописи: робу—л. 61, расплакавѣся—л. 177, стлб. 1, и др. Особенно часто въ Новг. лѣтоп. XIV в. по Синод. харат. списку: роспутіи—л. 50, розгнѣви—л. 115, розграбиша—л. 160, розгониша—л. 190, розделиша—л. 223, оуризоумѣвъ—л. 230, розмѣнимъ—л. 259, рознесоша—л. 295 и друг. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ произношеніе чисто русское и восходящее по времени къ эпохѣ общерусскаго языка. Мы знаемъ, что старославянскій языкъ (за исключеніемъ нѣкоторыхъ діалектическихъ случаевъ) въ этихъ случаяхъ имѣлъ звукъ *а*, и наше литературное *а* окающаго говора есть несомнѣнно заимствованное изъ старославянскаго черезъ церков-

ныя книги. Во всякомъ случаѣ здѣсь опять старина за сѣв.-великорусскимъ говоромъ, какъ и въ самомъ обанѣ.

Скажу также о двухъ случаяхъ сохраненія коренныхъ гласныхъ въ говорѣ тѣхъ мѣстностей Каз. губерніи, откуда я имѣлъ собесѣдниковъ. Это: произношеніе—зоря (срв. стрел. зари при зори, п. zozza, чш. zoje, ювр. зоренька и млр. зоря) и чахоль—Сунгурово. Последнее слово, вѣроятно, имѣетъ коренное *a*, такъ какъ иначе, еслибъ здѣсь было *e* или *o*, то мы ожидали бы произношенія чохоль, срв. чоло изъ чело (черезъ *чѣло)—Сунгурово. Интересно также произношеніе соласки (= салазки. Казань); если это произношеніе извѣстное, и я не ослышался въ этомъ словѣ, то оно уясняетъ намъ этимологію этого слова изъ префикса „съ“, „со“ и „лазить“.

Перехожу къ звуку *e* и *ъ*. По отношенію къ звуку *e* (*ъ*) разсмотримъ сначала слогъ передъ ударяемымъ. Звукъ *e* (*ъ*), находясь передъ ударяемымъ, въ положеніи передъ мягкимъ согласнымъ звучитъ закрыто, приближаясь къ *i*. Его мы обозначимъ—*e*¹. Передъ твердымъ же согласнымъ звукъ *e* звучитъ какъ *o*, смягчающее предшествующую согласную (*ё*), рѣже, какъ *e* открытое, *e*^a, которое вообще чаще встрѣчается въ конечномъ открытомъ слогѣ. Звукъ *ъ*, находясь передъ твердымъ согласнымъ ударяемаго слога, звучитъ также закрыто: *e*¹, и очень рѣдко мы слышимъ болѣе открытое *e*^a. Въ этомъ отношеніи мы замѣчаемъ уже нѣкоторое отклоненіе отъ древнѣйшаго типа окающихъ говоровъ, гдѣ *e* закрытое въ указанномъ положеніи было единственно извѣстное передъ твердой и мягкой согласной, если оно соотвѣтствуетъ древнему *ъ*; и передъ мягкой, если оно соотвѣтствуетъ древнему *e*¹). Слѣдовательно, *e* передъ ударяемымъ слогомъ съ твердой согласной, измѣнившись въ

¹) Шахматовъ. Исслѣдов. въ обл. р. фонетики. В. 1893. Стр. 264.

о (ё), представляет намъ старую фонетическую черту окаящаго говора, но е въ такомъ положеніи, звучащее открыто, какъ е^а, есть черта, свойственная акающимъ говорамъ, и потому мы признаемъ ее и въ казанскомъ говорѣ занесенною изъ послѣднихъ. Мы имѣемъ слѣдующіе примѣры: пе^алѣва, се^абѣя, не^альзѣя, приве^асті, те^абѣя, ме^анѣя, пе^адьде^асѣят, ве^арѣвочной, ве^архѣом—Сунгурово; такъ же звучить е въ отрицаніи не: не^а обдѣршы, не^а бѣдѣш, не^а охѣта—іѣ. Срв. де^атѣй—в. мн. ч., ф се^анѣх, по^ае^адѣят—3 мн., д^аз^ае^авѣшник—іѣ. Но: уме^арлѣа, гре^ачѣшна (каша), зѣле^анѣо, по ве^аршѣчку (м. б., передъ отвердѣвшей согласной р), а также кѣче^арѣгѣу; затѣмъ очень широкое е слышно такъ-же въ словѣ: це^анѣа, над^аз^ае^авают, же^анѣх (хотя и передъ мягкой согласной, но это древнее произношеніе, обусловленное вліяніемъ предшествующаго смягченнаго согласнаго). Въ словѣ: мянѣнѣник слышали мы ясное а, смягчающее предшествующую согласную (я): бе^арѣгѣут—Лаишев. у., д. Брѣхово. Но въ словѣ „сестра“, противъ ожиданія, е закрытое: се^астрѣа—Сунгурово, Каз. уѣзда. Въ деревнѣ же Брѣхово Лаишев. у. опять сѣстрѣа—ясно. Безспорно, что въ составъ нынѣшняго говора Каз. губерніи вошли большею частью древніе говоры, отличавшіеся тѣмъ, что въ нихъ мягкость предшествующаго согласнаго не оказывала ассимилирующаго дѣйствія на слѣдующій гласный а—е—о: въ говорѣ Каз. губерніи мы имѣемъ: сѣлѣо, вѣсна, човѣо, взяла, святой; но рядомъ мы имѣемъ и ре^ака, ле^аса и ре^ака. Изъ этого надо заключить, что говоры, названные Шахматовымъ—β, т. е. произносившіе: све^атой, ре^ака, сѣлѣо, вошли въ соприкосновеніе въ нынѣшней Каз. губерніи съ говорами—α (по Шахматову), гдѣ произношеніе тѣхъ же словъ было: святой, ре^ака, се^алѣо (откуда и сѣлѣо). Произношеніе такое, какъ: сѣдой, слѣпой, сѣнной въ Каз. губерніи доказываетъ преобладаніе сѣверно-русскихъ говоровъ типа α въ нынѣшнемъ говорѣ Каз. губерніи. Такимъ образомъ, мы видимъ, что говоръ Каз. губерніи, хотя въ основѣ своей есть говоръ сѣвернорусскій, говоръ окаящій, но

принадлежить къ говорамъ, примыкавшимъ по отноше-
нію къ свойствамъ мягкихъ согласныхъ при слѣдующемъ
за ними гласнымъ къ группѣ древнихъ говоровъ — *а*.
Выше мы видѣли, что и конечное *о* въ открытомъ сло-
гѣ звучитъ въ нынѣшнемъ говорѣ Каз. губерніи, какъ
о^а, т. е. въ немъ произошло совпаденіе конечнаго *о* въ
открытомъ неударяемомъ слогѣ съ такимъ же *а*: много^а,
мало^а. Это явленіе есть черта большинства южновелико-
русскихъ говоровъ. Это *о^а* мы видѣли и въ род. п. ед. ч.
именъ прилагательныхъ. Кромѣ того, эта черта вока-
лизма каз. говора роднитъ его съ говорами повгородски-
ми, ярославскими, костромскими, нижегородскими ¹⁾. Та-
кимъ же элементомъ, общимъ съ сѣверно-русскими го-
ворами Вологодской, Олонецкой, Костромской, Яросла-
вской и частью Владимирской губерніи является переходъ
начальнаго неударяемаго *о* въ *у*, переходъ, который мы
видѣли выше, а также это явленіе извѣстно и въ Твер-
ской губерніи и даже въ Саратовской ²⁾. Само собой ра-
зумѣется, что это явленіе есть своего рода послѣдова-
тельное передвиженіе неударяемаго исконнаго *о^а* по на-
правленію къ болѣе закрытому звуку, сначала *о*, а по-
томъ — *у*, на пути къ которому мы замѣчаемъ какъ бы
переходную ступень звука *о^у*, и дѣйствительно, въ каз.
говорѣ мы во многихъ случаяхъ затруднялись точнѣе
опредѣлить качество звука *о*, не перешедшаго еще въ
ясное *у*, но близкаго къ нему, а потому мы обозначили
выше его начертаніемъ *о^у*: наво^урвала и пр. (см. выше).

Нашъ извѣстный знатокъ исторіи русскаго языка
А. А. Шахматовъ совершенно вѣрно говоритъ, что най-
дется немало говоровъ въ области сѣверно-русскаго язы-
ка, которые испытали переходъ звуковъ *о* и *а* въ поло-
женіи послѣ мягкихъ согласныхъ и въ неударяемыхъ сло-
гахъ, а также въ слогахъ, не предшествующихъ непо-
средственно ударяемому, въ *е* закрытое, близкое къ *і*

¹⁾ Шахматовъ. Указ. соч. 297—300.

²⁾ Шахматовъ. ib. 302.

(ib. стр. 304). Въ нашемъ говорѣ мы имѣемъ: пе'дѣ-
сятъ д'вѣ — Сунгурово, два пе'те'рика, хре'стіянин, три
де'се'тіны ¹⁾, зе'ле'но, ре'шотѣ — ib., пе'ре'ве'ді — Казань,
не' бѣрут, е'ровѣо'те' нѣту, пе'ре'сто'льны'й — ib., пе'ре'-
ксто'сь — Казань; въ произношеніи „у жыниха“ при же-
нихъ мы имѣемъ случай перехода звука е въ и. Безъ
двадцати пяти — Сунгур., Каз. у.

Звукъ е и ѣ послѣ ударяемаго гласнаго. Въ конеч-
номъ открытомъ слогѣ. Въ этомъ положеніи мы замѣти-
ли какъ звукъ е закрытое — е¹, такъ и звукъ е откры-
тое — е². Условій появленія того и другого звука мы не
могли опредѣлить, а ниже приводимые примѣры убѣжда-
ютъ насъ въ томъ, что появленіе открытаго и закрытаго
звука въ конечномъ открытомъ слогѣ возможно даже для
одного и того же слова и, вѣроятно, находится въ ка-
кой-нибудь зависимости отъ слѣдующаго начальнаго сло-
га въ другомъ словѣ въ связной рѣчи. Въ независимомъ
положеніи, кажется, все-таки е звучитъ довольно открыто
въ конечномъ открытомъ слогѣ. Напр., ф тѣмъ до'ме², от'-
се'ле², отбо'ле² — с. Кармачи; в учи'лице² — Сунгурово;
о'з'ле² — ib., да'же², бо'льше² — ib., по'с'ле² — ib. Но и: на
Ала'цеомъ заво'де¹, отбо'ле¹, отто'ле¹, в ба'не'т'с'е¹ — Сунгу-
рово; поне'з'во'ле¹, чотѣ'ре¹, ф тѣмъ до'ме¹, в э'томъ пе'ре'у'лке¹,
не' оста'фьте¹ — Сунгурово. В ду'ме¹ — Лаишев. у., д. Брѣ-
хово; конечное ѣ (е) почти равно здѣсь звуку і. В го'рни-
це² — Кормачи; на у'лице², у по'гре'бе¹, на д'з'е'ви'шнике¹ —
Сунгурово. Вообще, послѣ и слышится вездѣ открытый
звукъ, послѣ другихъ согласныхъ возможенъ и открытый
и закрытый.

Звукъ е въ открытомъ неконечномъ слогѣ послѣ уда-
ряемаго звучитъ всегда закрыто, близко къ звуку і: су-
пе'сок, выме'ла — с. Сунгурово, выдолбе'ны.

¹⁾ Такое произношеніе относится къ области древнихъ
говоровъ Ѣ и извѣстно въ Каз. губ. рядомъ съ произношеніемъ:
де'сятіны.

Звукъ *е* въ закрытомъ слогѣ послѣ ударяемаго звучитъ также закрыто, какъ показываютъ слѣдующіе примѣры: из имѣнне'ф, лѣзе'т—3 ед., нѣппше'ф—род. п. мн. ч. (=нищихъ), не' бѹде'ш, не' мѹжитъ, бѹде'т, роскѹлетъ, перье'ф—род. п. мн. ч., куд'з'эле'й, дѹлжны'нъ, чере'с, по'је'ст (=поѣздъ жениховъ), при'једе'т—3 ед. — с. Сунгурово, Каз. у., дерьгае'т—3 ед. — *ib.*

Одно изъ интереснѣйшихъ явленій фонетики говора Каз. губерніи представляетъ звукъ *е*, находящійся въ слогѣ передъ ударяемымъ и стоящій послѣ мягкаго согласнаго или *ј*, но передъ твердымъ согласнымъ ударяемаго слога. Это *е*, какъ извѣстно, имѣло различную судьбу въ говорахъ восточнорусскихъ (по Шахматову), и въ эпоху появленія новаго закона объ удареніи приняло въ различныхъ говорахъ различные отбѣнки, а послѣ обособленія сѣвернорусскихъ говоровъ — окающихъ — и западнорусскихъ, а равно и средне-русскихъ — акающихъ — мы замѣчаемъ въ окающихъ говорахъ группы *а* особый звукъ, образовавшійся изъ этого *е*, звукъ *о*, смягчающій предшествующую согласную, — *ѳ*, *ѳ*. Мы имѣемъ слѣдующіе примѣры въ каз. говорѣ: бѣру'т, пѣку'т, согрѣбу'т, вѣду'т, вѣзу'т, д'вѣ вѣрсты, от ѳво, човѣ — с. Кормачи; сѣло, ѳво, вѣрста, че'т'вѣрыхъ, сѣдло (но: *ф* се'длѣ); двѣна'тцать; иш чолѣ дымъ, чолѣ у пѣчи", шчока (=щека), рѣжествѣ, шостѣ, рѣшотѣ, привѣла, чотѣре' (но мѣстами и: чатѣре') — Сунгурово. Во Влад. губ. — Даль. LIV. О нарѣчійхъ... На сѣннѣ вѣзѣ — Казань, шошнѣтцать, сѣѳѣд'ня — Сунгур., сѣѳѣд'ня — Казань, ѳмѣ, сѣѳѣдѣ — Лаишев. у., с. Державино, зѣѳѣт — 3 ед. — Сунгурово, жѣна, чѣснѣдѣ, убѣру', унѣсу', бѣру' — *ib.*, подмѣту', нѣчѣвали, пироги пѣчѣтѣ, на погрѣбу', свѣтло, слѣпѣѣ, мѣла — Сунгурово и Чистопольск. уѣздѣ (деревню забылъ). По указанію Даля *ib.* LV также въ Муром. уѣздѣ. Также жоѣ (=его), обѣѣдают — 3 мн. — Лаишев. у., д. Брѣхово. Дѣѳѣла — 3 ед., лицѣѣѣѣ — *ib.* Въ Казани однако мы слышали и произношеніе се'ло, све'тло — заимствованное. (Срв. Шахматова. *ib.* стр. 309). Изъ числа приведенныхъ примѣровъ не всѣ, ко-

нечно, представляют изъ себя образцы древняго и оригинальнаго произношенія: есть случаи, какъ напр., жонá, човó, чоу́б, чо́б, чолó — очень древняго происхожденія, такъ какъ здѣсь является измѣненіе основнаго *e* подъ вліяніемъ смягченнаго предшествующаго согласнаго, имѣвшаго вмѣстѣ съ звукомъ *j* (случаи: ёвó, ёмý) вліяніе на слѣдующій звукъ *e* еще въ отдаленныя эпохи общей жизни всѣхъ русскихъ нарѣчій, а есть случаи и очень поздняго происхожденія, обязанные относительно своего произношенія вліянію подобныхъ словъ, вліянію аналогіи: слѣпóй, свѣтлó, какъ вѣдú, мѣлá и т. п. (Срв. Шахматовъ. стр. 305). Упомянемъ здѣсь же о случаяхъ такого *e—'o* послѣ ударяемаго слога, въ примѣрахъ, какъ: бóчокъ — род. п. множ. числа — с. Сунгурово, Каз. у., нѣчóб = нѣчего — *ib*. Подобныя явленія развились, вѣроятно, на почвѣ грамматической аналогіи: изъ бóчекъ при бочѣно́е развилось бóчокъ; при човó развилось нѣчово изъ двухъ словъ: нѣ човó. Слѣды этого состава видны въ произношеніи нѣчово, такъ какъ човó, ставши энелитическимъ, не измѣнило своего *o* (ё) въ ё закрытое, какъ въ другихъ говорахъ *β*. Въ словѣ робѣ́нбе — Сунгур. — *o*, должно быть, основное. Во всѣхъ этихъ примѣрахъ измѣненія звука *e* передъ ударяемымъ слогомъ послѣ мягкаго согласнаго мы имѣемъ доказательства того, что нынѣшній казанскій говоръ примыкаетъ въ этомъ отношеніи къ древнимъ сѣверно-русскимъ говорамъ, возводимымъ къ группѣ *а*, т. е. къ группѣ говоровъ, въ которыхъ не замѣчалось вліянія небности предшествующаго согласнаго на гласныя *а—o*; конечно, мы уже въ теченіе предыдущаго изложенія видѣли неоднократно доказательства и того, что въ нынѣшнемъ говорѣ Каз. губерніи нельзя усматривать какой-либо *чистый* типъ: здѣсь отразилось вліяніе нѣсколькихъ говоровъ, распредѣлявшихся когда-то въ области сѣверной и средней Россіи совсѣмъ иначе, чѣмъ нынѣ. Такъ, мы обращали вниманіе на образцы произношенія, какъ: уме́рлá, сѣлó, съ одной сторо-

ны, и се'стра, се'ло, — съ другой ¹⁾. Если и въ древнее время говорювъ чистаго типа α не было, то тѣмъ болѣе ихъ нѣтъ теперь: случаи произношенія: чотыре', де'се'ти вмѣстѣ съ случаями, какъ се'стра, се'ло и т. п. суть примѣры, доказывающіе нарушеніе чистаго типа въ говорѣ нынѣшней Каз. губерніи и обнаруживающіе смѣшеніе говорювъ при преобладающемъ, однако, сѣвернорусскомъ элементѣ. Объ этомъ же намъ говорятъ примѣры: зе'ле'но, жыни'ха и проч., примѣры, общіе для говорювъ, восходящихъ къ древней группѣ β и къ древней группѣ α , гдѣ замѣчается такое вліяніе мягкихъ согласныхъ на гласную преимущественно въ начальномъ слогѣ слова ²⁾.

Звукъ *е* вмѣсто 'о (ё) подѣ удареніемъ передѣ бывшими мягкими мы имѣемъ въ слѣдующихъ произношеніяхъ: устала, по ве'ршечку шагала—Сунг., Каз. у.; замѣрзла при замѣрзли—ib., сѣд'не'ш'ніи (баранки), подѣньщик—правильно, пучечками—ib., колѣсики—ib. Наконецъ мы имѣемъ нѣсколько случаевъ произношенія *е* и *ь* подѣ удареніемъ, какъ звукъ средній между *е* и *і*, причемъ то слышится звукъ ближе къ *і*, чѣмъ къ *е*, то звукъ ближе къ *е*, чѣмъ къ *і*. Такимъ звукомъ представляется намъ звукъ *е* въ словѣ „весь“: ве'сь караси'нь смѣнили — или *ь*: ѱси' лазиют—Сунгурово. Каз. у. Се'рьпъ—Лаиш. у., д. Брѣхово. Зато въ словахъ „ѣсть“ и „смотри'ла“ звукъ *ь* звучитъ совсѣмъ какъ *і*: јистъ, смотри'ла — Сунгурово (тѣ=т'с'ь: јис'т'с'ь). Въ словѣ „смотри'ла“ *и*, м. б., основное; стрел. смотри, чш. patiti.

Вслѣдствіе отвердѣвшей слѣдующей согласной звукъ *е* закрытое, стоявшее подѣ удареніемъ или въ слогѣ передѣ ударяемымъ, должно было измѣниться въ *е* открытое, которое мы и наблюдаемъ во многихъ русскихъ говорахъ: такъ, изъ ве'рхъ послѣ отвердѣнія *р* получилось ве'рхъ, но въ говорахъ, не знавшихъ открытаго *е* пе-

¹⁾ См. Шахматовъ. ib. стр. 8—9, 200—201; срв. стр. 307.

²⁾ Шахматовъ. ib. 275—276.

редѣ твердыми, произношеніе ве^рхъ должно было перейти въ вѣрхъ; такимъ же образомъ изъ дѣр^жжитъ явилось дѣ^ржитъ (моск.) и дѣр^жжитъ, произношеніе которое мы слышимъ въ Каз. губерніи. При дѣр^жжѣ въ Каз. губерніи мы слышимъ въ слогѣ передъ ударяемымъ даже дор^жжѣ—Лаишев. у., д. Черемышево, дор^жж^атъ, содор^жжанье—Лаишев. у., д. Брѣхово; но содор^жжитъ—3 ед.—ib., гдѣ ѣ перестало смягчать предшествующую согласную и перешло въ болѣе твердое о; отсюда понятна форма: задѣр^жживатъ—3 л. ед. ч., Чебокс. у., Мар. Посадѣ. Здѣсь, очевидно, играла роль такихъ аналогичныхъ произношеній какъ: носѣтъ—занѣшиватъ и т. п. Въ словѣ горшечекъ—Лаишев. у., д. Брѣхово, мы имѣемъ древнее е, не перешедшее по аналогіи въ ё. Въ словѣ пѣрышко мы противъ ожиданія имѣемъ е, не ё—ib.

О звукѣ *н* собственно слѣдуетъ замѣтить, что, насколько мы успѣли познакомиться съ говоромъ Каз. губерніи, этотъ звукъ не представляетъ послѣдовательнаго перехода въ звукъ *и* подъ удареніемъ, какъ это обыкновенно наблюдается въ сѣвернорусскихъ говорахъ Олонецкой, Вологодской, Новгородской и нѣкр. другихъ губерній. Въ этомъ опять нельзя не видѣть результата смѣшенія и вліянія вытѣснявшихъ элементовъ средне-русскаго населенія. Мы обратимъ вниманіе на тѣ случаи произношенія звука *н*, которые встрѣчаются въ говорѣ Каз. губерніи.

В *исконное*, не перешедшее по аналогіи въ ё, мы видимъ въ словахъ: звѣзды, звѣздочками, вѣдрами—Сунгурово.

В *вс* слогѣ передъ ударяемымъ съ твердымъ согласнымъ мы видимъ въ словахъ: цвѣты, росцвѣтаютъ—3 мн. во многихъ мѣстностяхъ, к ванцѣ — Сунгурово, гдѣ во всѣхъ этихъ словахъ слышится звукъ *я*. Срв. выше чатѣре^і, чараш^енево^а и др. Это *я* образовалось изъ *е* открытаго (= *н*) передъ твердымъ согласнымъ въ слогахъ передъ удареніемъ и стоитъ въ связи съ произношеніемъ:

слѣпой, сѣдой; оно извѣстно и въ олонецкомъ говорѣ. (Шахматовъ. ib. 310).

Есть нѣсколько случаевъ въ говорѣ Каз. губерніи, гдѣ мы находимъ звукъ *е* передъ твердымъ согласнымъ подъ удареніемъ вмѣсто ударяемаго *а*. Это, именно, послѣ шипящихъ согласныхъ: она виж'ж'ѣла, крич'ѣла — Сунгурово. Само собой разумѣется, что этотъ звукъ *е* передъ твердымъ обязанъ своимъ появленіемъ звуку *е* въ тѣхъ формахъ, гдѣ онъ стоитъ передъ мягкимъ согласнымъ подъ удареніемъ: дышѣтъ не'льзѣ, пока розго'ратца—3 ед. Сунгурово, — а форма дышѣтъ обязана своимъ происхожденіемъ вліянію формъ родѣ: гремѣтъ, шумѣтъ и т. п. Срв. выше формы замѣрзну при замѣрз'ни; такіа произношенія извѣстны въ вятскомъ, ярославскомъ, олонецкомъ, а также въ рязанскомъ говорахъ (Срв. Шахматовъ. Изсл. въ обл. р. фон. 240).

Переходимъ къ звуку я ('а). Въ говорѣ Каз. губерніи, насколько мы успѣли замѣтить, извѣстно и распространено произношеніе звука *я* (изъ основного и и а) въ слогѣ, предшествующемъ ударенію, какъ чистое *я*. Эта черта рѣзко отличаетъ его отъ московскаго говора, типичнаго представителя древнихъ говоровъ *ѣ*, и приближаетъ его къ прочимъ южновеликорусскимъ говорамъ съ особенностями *ѣ*канья. Здѣсь мы имѣемъ: пяти, мякина (срв. де'се'тины), по пятна'тцати копѣк, на'ряжа'ютца, свя'та не'д'з'ѣла — Сунгурово, ряби'на, за'вяжы, за'вяза'т'с'ь, роз'вяжу, дро'ваніе — Свіяжск. у. (мѣстности не помню), ядрѣ'ной, по'глядят — Сунгурово, Каз. у., кипятѣтъ и др. Такое-же *я* въ слогѣ послѣ ударяемаго передъ мягкимъ согласнымъ закрытаго и открытаго слога звучитъ, какъ *е* закрытое: де'се'тъ, вѣ'те'ни — ib. Передъ твердымъ согласнымъ въ этомъ случаѣ слышится почти чистое *я*: вино' кѣ'рят, поса'дят—3 мн. — Сунгурово и др. Звукъ *я* слышится еще въ слогѣ передъ удареніемъ въ тѣхъ словахъ, которые заимствуютъ свое *я* изъ формъ съ ударяемыми *я*. Напр., въ словахъ: ляжѣ'сь, ляжѣ'тъ изъ формы

лягу и т. п., сядѣсь, сядѣт изъ формы сѣду и т. п. — Сунгурово и др.

Интересную замѣну звуковъ представляет произношеніе: выличаѣют — 3 мн., не¹ выликъ, гдѣ мы слышимъ звукъ *ы*, который указываетъ намъ на то, что основное *е* въ этомъ словѣ, находясь послѣ мягкой согласной въ слогѣ неударяемомъ, произносилось, какъ *е¹*. Эти случаи, думаю, надо сопоставить съ такими, какъ: жыниха и т. п., которые мы видѣли выше (Сунгурово).

Звукъ *ы* въ именахъ прилагательныхъ въ им. пад. ед. ч. м. р., какъ звукъ слоговой ирраціональный, слышится не совсѣмъ ясно: первы^й — *ib*.

Изъ области гласныхъ замѣтимъ еще двѣ черты, встрѣтившіяся намъ въ нынѣшнемъ казанскомъ говорѣ: сочетаніе гласныхъ *о+и* въ серединѣ слова, находясь въ безударномъ слогѣ, переходитъ въ гласный *у*, напр., пумаль, пумат^{сь} — Сунгурово, Каз. у. Это *у* ясно слышится и объясняется, какъ я полагаю, способностью звука *о* въ безударномъ слогѣ окающихъ діалектовъ приближаться къ закрытому звуку, *о^ʹ*, а затѣмъ — обращаться совсѣмъ въ закрытое *у*, какъ мы видѣли выше. Такъ, изъ поималь — поималь вышло въ окающемъ говорѣ сначала *пуималь черезъ *поималь, потомъ — пумаль. Другая черта — это очень любимое *стяженіе гласныхъ*, происшедшее, надо думать, послѣ ассимиляціи одного гласнаго другому. Это стяженіе постоянно и правильно встрѣчается въ группѣ гласныхъ *а+е* или *'а(я)+е*, встрѣчаемой въ глаголахъ, какъ: читаемъ, гуляешь и проч., гдѣ, надо полагать, ассимиляціи *а+е* въ *а+а* способствовало отсутствіе первоначальнаго согласнаго элемента *ј* между этими гласными въ нѣкоторыхъ глаголахъ и формахъ, откуда это явленіе перешло въ другія формы и охватило собой широкую область фактовъ языка. Это стяженіе извѣстно и группѣ *ѣ+е* (послѣ забвенія звука *ѣ*: *е+е*), которая даетъ одно *е*. Но замѣчательно, что этому стяженію и ассимиляціи не подвергаются вышеозначенныя группы, если есть удареніе на второмъ изъ гласныхъ,

если удареніе имѣется на соединительномъ гласномъ *е* передъ личнымъ суффиксомъ. Напр., при произношеніи: дѣлать, читать, гулять и въ прочихъ лицахъ мы не слышимъ дѣтъ вѣ. дѣтъ или вѣтъ вѣ. вѣтъ и т. п. Это объясняется, вѣроятно, именно, появленіемъ *j* передъ *е*, которое переходило подъ удареніемъ только послѣ мягкаго согласнаго и *j* передъ твердымъ согласнымъ въ *о*, такъ что группа *а+е* въ такомъ положеніи уже измѣнялась и превращалась въ *а+j+о* или *'а+j+о*, гдѣ не могло быть ассимиляціи. Понятно, что лишь послѣ появленія въ языкѣ закона объ удареніи и сопровождавшихъ его звуковыхъ измѣненіяхъ глаголы съ ударяемымъ соединительнымъ гласнымъ *е* очутились въ особомъ положеніи, а равно и то надо предположить, что не во всѣхъ діалектахъ русскаго языка означенная ассимиляція имѣла мѣсто, какъ не во всѣхъ діалектахъ произошло и отвердѣніе личнаго суффикса 3 лица *-тъ* въ *-тъ*: въ тѣхъ говорахъ, гдѣ осталось мягкое *т* въ означенныхъ формахъ, насколько намъ извѣстно, не встрѣчается и ассимиляціи и стяженія въ рассматриваемыхъ гласныхъ группахъ. Думаю, что въ тѣхъ діалектахъ, гдѣ нынѣ мы имѣемъ параллельное существованіе формъ дѣлаш—3 ед. и играеть—3 ед. (Олонец. Вытегор. у. Жив. Стар. 1893. Вып. III) нѣкогда были основныя формы: играеть, изъ которой послѣ отвердѣнія звука *т* вышла форма играеть, откуда — играть, — и другая: играють, откуда въ эпоху отвердѣнія *т*—играють—играють. Эти формы были исконно-русскими, причемъ по отдѣленіи сѣверно-русскаго нарѣчія отъ западно- и южно-русскаго (XIV в. приблизительно), за первыми остались обѣ формы, а вторыя усвоили себѣ только послѣднюю форму — играють, ибо нынѣ мы ни въ блр., ни въ ювр. нарѣчіи не имѣемъ стяженныхъ формъ и обыкновенно встрѣчаемъ мягкое *т* въ 3-мъ лицѣ, съ его дальнѣйшими измѣненіями. Формы съ *j* вмѣсто *j* между означенными гласными въ глаголахъ доказаны и діалектами старославянскаго языка: Супрасльскою рукописью, Зогра. евангеліемъ,

Ассеманіевымъ евангеліемъ, Григоровичевымъ четвероевангеліемъ, Синайской псалтырю; во всѣхъ этихъ памятникахъ мы имѣемъ стяженіе въ группѣ а+е черезъ а+а въ одно а (аа встрѣчается во всѣхъ, но одно а не во всѣхъ); изъ примѣровъ стяженія въ группѣ стрсл. ѣ+е въ одно ѣ (е) мы, кажется, имѣемъ возможность указать только на одинъ случай въ глаголѣ довьѣти: довьѣтъ—Супр. реч. 29, 28 и др., также въ Клод. Глаг., въ Сав. Кн. и даже въ Остр. евангеліи—довьѣтъ, но рядомъ въ Супр. реч. мы видимъ и: довьѣтъ—76, 29 и др. Срв. въ новослов. *dělaš, dělamo, dělate*. Въ блг. яз.: дѣлаш, дѣламе, дѣлате. Въ серб. языкѣ мы имѣемъ ясное указаніе на стяженіе въ долготу а: чѣвѣш, чѣвѣмо, чѣвѣте и др. Въ верхне-луж. также: *džélaš, džélamy, džélaće* и т. п.; въ ниже-луж.: *žélaš, žélamy, žélašo*. Въ чеш. языкѣ даже: *umíš, umíme, umíte* вм. *uměš, uměme, uměte* изъ *uměješ* и проч. ¹⁾, а также: *děláš, děláme, děláte* и др. Наконецъ, въ польскомъ языкѣ мы имѣемъ: *znasz, śmiesz, działasz, działamy, działacie; kochasz* и проч. Подобныя формы извѣстны и въ карпатскихъ нарѣчіяхъ млр. языка: *співаш, співат...* Такимъ образомъ, формы стяженія въ глаголахъ (по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ въ былое время) восходятъ къ общеславянскому періоду языка.

Въ говорѣ нынѣшней Казанской губерніи, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ употребленія сѣверно-русскаго нарѣчія, мы постоянно слышимъ: *доставлѣтъ—3 ед., бывѣтъ—3 ед., розгорѣтъ—3 ед., задѣржывѣтъ—3 ед., здѣламс'а—1 мн., прочи'тамъ—1 мн., обѣдамъ—1 мн., покупѣш—2 ед., занимамс'а—1 мн., стрѣпатъ—3 ед., завѣзываютъ—3 ед., успѣшъ—2 ед., успѣтъ—3 ед., вонѣтъ—3 ед., знѣтъ—3 ед., вымо'с'с'а—2 ед. (вымоешься), нагрѣс'с'а—2 ед., убопрѣшъ—2 ед. и т. п.* Это стяженіе мы имѣемъ во владимирской, костромской, нижегородской, вологод-

¹⁾ Срв. въ нашемъ ярославскомъ говорѣ, Угличск. уѣзда: *умѣш, умѣтъ...*

свой, пермской, симбирской и оренбургской рѣчи (Даль. О нарѣчіяхъ. LIV. LVI. XLIX. LVII. LI. LVIII). Случай, какъ: „надѣтца рай° можно“? (д. Брѣхово) должны быть объясняемы аналогіей изъ формъ настоящаго времени: надѣсса, надѣтца или жалѣтъ и т. п.

Подобное стяженіе мы имѣемъ въ каз. говорѣ въ словахъ: копѣк при копѣекъ вм. копѣекъ — род. мн. ч. и въ словѣ: у хозяйѣ—р. мн. ч. = у хозяевъ—Сунгурово.

Наконецъ мы замѣтимъ случай отпаденія начальнаго гласнаго о въ словѣ: отвѣдали, которое произносится, какъ: т'с'вѣдали — с. Сунгурово, Каз. у. Выпаденіе гласнаго а слышно въ словѣ: пароходъ—п рохотъ—вездѣ.

Согласные звуки. Звуки задненебные: і, к, х. Звукъ і въ собственно русскихъ словахъ звучитъ всегда, какъ лат. g, кромѣ флексій род. пад. ед. ч. именъ прилагательныхъ и мѣстоименій—іо, гдѣ і звучитъ, какъ въ литературномъ нарѣчій русскаго языка, т. е. какъ в: дѣброво°, тово и проч.

Звукъ і иногда передъ неударяемымъ гласнымъ звучитъ, какъ к, напр., флаки вм. флаги, а звукъ к, наоборотъ, въ подобномъ положеніи иногда переходитъ въ і: че'р'ніга, клуб'ніга, је'жѡвіга—Сунгурово. Вообще, звукъ і здѣсь=лат. g, не h. Но срв. произношеніе мѣстоименій род. п. ед. ч.: коб, чоб и др., а также собственное имя—Германъ: Ёрман — Лаишев. у., д. Брѣхово.

Звукъ к передъ т переходитъ въ х: по сибирскому трахту, и передъ р въ словѣ: хре'стіанинъ. Въ словѣ: кып'яті (-ть, -ла) ясно твердое к съ слѣдующимъ и — Лаишев. у., д. Брѣхово. Срв. то же произношеніе этого слова въ говорѣ Раз. губерніи.

Звукъ х въ словахъ: „пасха“ и „хлѣвъ“ переходитъ въ к: па'ска, хлѣ'ф (помѣщеніе только для куръ)—Сунгурово. Въ словѣ „хороніть“—корѡниш—2 ед.

Звуки передненебные, шипящіе: ж, ч, ш, щ, а также свистящій — ц.

Звукъ ж звучитъ всегда твердо, но въ нѣкоторыхъ словахъ мы слышимъ вмѣсто ж — з: самъ завязу = завя-

жу—Сунгурово, Каз. у. Это з подъ вліянiемъ формы неопред. ч. „завязать“. Срв. зельзо — Свіяжск. у. (Даль. О нарѣчіяхъ. LVIII). Надо полагать, что есть говоры въ Каз. губерніи, гдѣ мѣна *ж* — *з* и *ш* — *с* представляетъ явленіе фонетическое и обычное. По крайней мѣрѣ, въ Симбирской губерніи извѣстны говоры, гдѣ произносятъ: Шыжрань (Сызрань), мяшо (мясо) и т. п. Впрочемъ, объ этомъ мы будемъ говорить особо по поводу нашихъ изслѣдованій въ Касимовскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи лѣтомъ 1892 года. Въ группѣ *зж* — *з* переходитъ въ *ж*: дожджѣютъ — *ib*. Въ группѣ *жс* изъ **жс* — *ж* ассимилируется съ *с* и звучитъ, какъ *с*: Свіясково^а — *с*. Кормачи; а также *шс* изъ **шс* переходитъ въ *сс* — *с*: нагрѣс'с'а — 2 ед. = нагрѣшься, дождыдас'с'а — 2 ед. — Сунгурово. Вм. *жд* — *жж*: дожджѣ.

Звукъ *ч* звучитъ въ большинствѣ случаевъ, насколько мы замѣтили, не мягко, а какъ будто слышатся въ немъ элементы *т* + *ш*, но не твердые. Мы обозначаемъ ниже это произношеніе *ч* съ надписнымъ надъ нимъ *з* или, если онъ стоитъ передъ орфографическимъ знакомъ *ш*, то надъ *ш* ставимъ надписное *ш*; въ обыкновенныхъ случаяхъ мы пишемъ послѣ такого *ч* буквы *о* и *а*, а не *ё* и *я*, гдѣ это имѣетъ мѣсто: д'вѣ бѣчѣи; род. мн. — бѣчѣи; чѣовѣ, нѣчѣовѣ; иш чѣла (= изъ чѣла); чѣло у печѣи. Така пѣчѣ — Сунгурово. Въ учѣище^а, учѣи^т — 3 ед., грѣча, грѣчѣушна каша — *ib*., чѣхѣл, тѣчѣут — 3 мн., по чѣрному, чѣшка (= тѣшѣшка), чѣи^тста, не^и хочѣу, чѣо — Мар. Посадѣ, Чебокс. у.; знѣчи^т — 3 ед., те^ичѣт — 3 ед., *ibid*.

Звукъ *ч* передъ *н* суффикса переходитъ въ *ш*: на д'з'бѣишнѣи — Сунгурово, в мѣлошнѣи лѣвѣчки, пѣшнѣи, конѣишнѣи — *ib*. Въ словѣ „что“ звукъ *ч* также = *ш*: што.

Есть случаи произношенія совершенно мягкаго *ш*: перѣишп — *с*. Уланово, Каз. у. (= перѣишѣп).

Звукъ *ш* звучитъ въ большинствѣ случаевъ, какъ двойное полумягкое *ш*: шш: за д'вѣ тѣиши, самѣварѣишѣи

(щ = ш), нашіот полбы—Сунг.; нйіше'ф. (= нищихъ); у ей фся род'на нйішы (срв. выше: учі'лише^а); шйіпчи'камі, шйол ку нагр'ют (= щёлоку); тайшйла, жёнішына. Въ словѣ „пущай“ слышно *шч*: пущай — Сунгурово. Группа звуковъ *сч* даетъ по ассимиляціи группу *шч*, а эта, въ свою очередь, опять, какъ и *ш*, — *шш*: нашіот, шйытаю. Группа же *сш* (б. м., изъ *сшш*), по ассимиляціи, даетъ *шш*, а эта въ нѣкоторыхъ словахъ, диссимилируясь, даетъ *шч*: лошади ноги пошибали — Казань, рашйи (= расшибъ). Хочу шить (= спать) одну ещѣ — Сунгурово. (Въ словѣ „еще“ мы слышали мягкое *ш*). Такимъ образомъ, звуковая группа, передававшаяся на письмѣ начертаніемъ *шт*, или *ш*, въ южнославянскомъ, вѣроятно, произносилась въ большинствѣ случаевъ, какъ *шт*, а въ русскомъ, — какъ *шч* при діалектическомъ *шш* съ среднимъ звукомъ *ш*. Но мѣстами слышно и двойное твердое *ш*, какъ въ ряз. говорѣ: не' пьюшшый, частічка мошшій и др. Лаишев. у., д. Брѣхово.

Звукъ *ц* въ иныхъ словахъ и мѣстахъ звучитъ мягко: шч'евйца = чечевйца — с. Сунгурово, полиц'ейски (им. мн. ч.) — *іb*, ф ц'ерькву — *іb*. Срв. произношеніе Нижегород. губ., Макар. у. (Даль. О нарѣчіяхъ. LVII).

Звуки зубные: *д*, *т*, *з*, *с*. Здѣсь отмѣтимъ прежде всего легкое *дзеканье* и *цѣканье*. Мягкое *д* и мягкое *т* звучатъ сходно съ бѣлорусскими, но не такъ рѣзко слышенъ свистящій элементъ: мы обозначаемъ эти звуки начертаніями: *д'з* и *т'с*. Напр., прибила сосну к *т'с'яблу* — с. Сунгурово. Груд'з'ъ, т'с'йцька, ход'з'ит, над'з'ѣвают, уд'з'ѣвайся, ход'з'йт'с'ъ, д'з'ѣвшник, Влад'з'имир, д'з'еньги, взят'с'ъ, сид'з'ѣт'с'ъ, мыт'с'ѣ, ст'с'ират'с'ъ, зд'з'ѣсь, од'з'йн, д'з'ѣфьки, пят'с'ъ, нигд'з'ѣ, ход'з'йла — Мар. Пос., Чебокс. у., куд'з'эле'й, хот'с'ѣли — Сунгурово, Каз. у., д'з'верь-ту, отп'уст'сит — 3 ед., ит'т'с'й, што јес'т'с'ъ у не'вѣс'т'с'и и т. п. Сравни у Дала (О нарѣчіяхъ. LIII, LV, LVII, XLVI) о нижегородскомъ, владимирскомъ, о сѣверно-великорусскомъ нарѣчій Новгородской губ.

Это легкое цѣканье и дзѣканье, проходя по губерніямъ сѣверно-влкр. нарѣчій и заходя на востокъ, должно быть, составляло и въ древности діалектическую черту русскаго языка и едвали гдѣ-нибудь, кромѣ Каз. губ. и вообще кромѣ губерній съ позднею колонизаціей, можетъ считаться заимствованнымъ явленіемъ. Правда, что черта эта не отразилась въ нашей древней орфографіи, ибо мы не имѣемъ на нее указаній въ др.-рус. памятникахъ письменности, но всетаки нѣтъ и достаточныхъ оснований считать ее заимствованною, не русскою, напр., въ губерніи Новгородской (Бронниц. Череповец. уу.) или Владимирской ¹⁾).

Замѣна звука д звукомъ р слышится въ словѣ: сварьба. Срв. Тверской губ., Корчевск. у.

О звукъ з см. при звукѣ с ниже. Замѣтимъ слово: польза; „в нашу пользу“—архаизмъ. (По сообщенію В. Д. Корсаковой. *ib.*).

Звукъ с переходитъ въ *ш* въ словѣ: шошнѣцать — с. Сунгурово, Каз. у. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ замѣчается очень шепелявый говоръ: вмѣсто всякаго с произносятъ *ш*, вмѣсто *з* — *ж*: у наш, пишал, мяшо, вжѣл и т. п. Д. Брѣхово, Лаишев. у., Зюзинской волости. Говорятъ, что за свой говоръ они прозваны „шепетунами“. Срв. древній псковскій говоръ. Срв. еще: рошшуждаютъ — 3 мн., рожошлишь — 3 мн. (= разошлись; *ш* почти мягкое). В уѣздномъ—Лаишев. у., д. Брѣхово.

Звуки губные: п, в, б, м. Звуки *п* и *в* въ нѣкоторыхъ словахъ передъ гласными переходятъ въ *б*, а передъ согласнымъ *р* звукъ *п* переходитъ въ *т*: собогѣ — с. Сунгурово, обѣщѣ—*ib.*, трѣпка вм. пробка—*ib.* Срв. Новг. губ. Черепов. у. (Живая Старина. 1893. III).

¹⁾ Въ этомъ мѣстѣ насъ окончательно укрѣпили разговоры Касим. и Спасскаго уѣздовъ Ряз. губерніи, гдѣ мы производили наблюденія лѣтомъ 1894 года.

Звукъ б, находясь передъ мягкимъ согласнымъ послѣ потери глухихъ звуковъ, самъ сдѣлался мягкимъ: слапъкѣи у́голья—с. Сунгурово. Въ такомъ же положеніи очутился звукъ в и тоже перешелъ въ мягкое в, откуда также по ассимиляціи передъ слѣдующимъ глухимъ согласнымъ — ф': д'з'вфъки.

Звукъ в звучитъ почти какъ неслоговое у: усье равно, зоу́т—3 мн., чоу́о растѣт, сеу́од'ня—с. Сунгурово, Каз. у.; у́ Мо́крой—с. Уланово, Каз. у.; у́ одной, у́ ёу́о (но и: у́ ёво), воро́ука, у́сѣ́ русскіи, у нас у́ де́рѣв'ни, в́ у́лицахъ у́ друг'ѣх, у́ по́гре'би и проч. У Даля (О на́рѣчїяхъ L IV) невѣрно сказано, что этого явленія нѣтъ никогда въ вост.-русскомъ нарѣчїи, какъ оно бываетъ въ новгородскомъ, въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ. Весьма вѣроятно, что эта черта занесена сюда изъ новгородскаго говора. Но надо замѣтить, что эта черта въ нынѣшней Каз. губерніи не представляетъ общаго явленія, такъ какъ рядомъ съ этимъ произношеніемъ звука в извѣстно и его обыкновенное произношеніе.

Отпаденіе начальнаго в замѣчается въ слѣдующихъ словахъ: о́з'ле^а = возлѣ, о́кру^к = вокругъ, о́змү, о́змї, о́змїте^і (= возмү, возми, возьмите), у оспѣт. Въ послѣднемъ словѣ отпалъ звукъ γ, переходившій въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ в: у γоспѣдъ, у воспѣдъ, у оспѣт. Срв. также: сѣ вм. фсѣ и че'раш'не'во^а = вчерашняго—с. Сунгурово. Но: во́спина, у вобѣхъ (=у обѣихъ). Въ нѣкоторыхъ словахъ мы замѣчаемъ выпаденіе звука в между гласными: самоа́рь, се́одня—д. Брѣхово, Лаиш. у., Зюзинской волости. Наоборотъ, звукъ в вставной между двумя гласными мы имѣемъ въ словѣ: бо́ковуша, бо́ковая комната, особый поко́йчикъ въ сторо́нѣ (по сообщенію В. Д. Корсаковой. ib.). Срв. у Даля — нижегород., сем. s. v. Бо́жъ. Случай сохраненія звука в послѣ предлога — префикса об — мы имѣемъ въ словѣ: обяза́ться = обяза́ться—ib. Въ словѣ „вну́къ“ в переходитъ въ м: мну́къ, мну́чка (по сообщенію В. Д. К. ib.)

Звукъ в въ именахъ и формахъ на -*въ* звучить мягко, переходя, конечно, въ *ф*: кро́фь, оста́фь — с. Сунгурово, Каз. у.

Звукъ ф вмѣсто *хв* мы имѣемъ, напр., въ словѣ: Ти́финска Божья Матерь—Лаишев. у., д. Брѣхово.

Звукъ носовой н; этотъ звукъ въ иныхъ словахъ передъ неударяемымъ гласнымъ переходитъ въ звукъ *м*: мыра́ть *вм.* ны́рять: мыра́л в водѣ́ тара́кан—с. Сунгурово, Мико́льскій *вм.* Нико́льскій—Лаишев. у., с. Зюзино.

Язычные плавные звуки р и л. Звукъ *р* мы слышимъ мягкимъ въ положеніи не передъ твердой зубной въ сочетаніяхъ, восходящихъ къ основному : неслоговое ирраціональное *ь* + г слоговое : *ьг* между согласными: ве́рь-хо́м—с. Кормачи, Лаиш. у.; де́рыгае'т—*ив.*, но и де́ргат—с. Сунгурово, Каз. у.; заме́рьзнуть—с. Сунгурово, но и ме́рьзнуть. Срв. заме́рьз'ли—*ив.* Се́рьпъ, серьпа́ми—Лаишевск. у., д. Брѣхово. Мягкое *р* мы имѣемъ въ словѣ: бре'слѣт (=браслѣтъ) черезъ *брыслѣтъ въ с. Сухая Рѣка, Каз. у.

Звукъ р замѣняется въ нѣкоторыхъ словахъ звукомъ *л*: лѣс'ницы-т'с'е' (= рѣс'ницы-те)—с. Сунгурово; влѣнь-де'рь, влѣньде'рьей, волидо́р—*ив.*

Звукъ л въ нѣкоторыхъ словахъ замѣняется звукомъ *н*: ма́не'нькій—с. Кормачи.

Интересна приставка звука *л* въ словѣ: ле́жли (= ежли, ежели) — с. Сухая Рѣка, Каз. у.

Общія явленія въ области согласныхъ съ другими русскими говорами суть случаи обыкновенной ассимиляціи: согласные мягкіе передъ твердыми дѣлаются твердыми, твердые передъ мягкими дѣлаются мягкими: группы согласныхъ подвергаются обыкновеннымъ упрощеніямъ посредствомъ выпаденія, напр., звука *т* или *д* въ группахъ: *ст*, *ств*, *здн* и друг.; звукъ *т* передъ *д* часто переходитъ въ *д*: одда́ш—2 ед. и т. п., пе'дьде'сят.

Случаи выпаденія согласнаго: пра́зьникъ, есь (=есть), вусьа́ (=вустя́)—с. Сунгурово, Каз. у.

Случаи ассимиляции звонкаго передъ глухимъ: помѣта, фсѣ, потписать и др.

Глухого передъ звонкимъ: кѣгже^а—с. Сунгурово, в бѣрыне^ѣ.

Мяжкіе согласные (изъ твердыхъ) передъ мягкими: замѣръз'ли, сѣуд'ня, од'нѣ, в'зят'сѣ, дѣф'ки, лѣф'ки, дерѣв'ни, че'раш'нево^а, д'вѣ, ж'витѣнцу — вин. п. ед. ч., приве'стѣ, кор'мѣльцы — им. мн. ч. м. р., нажѣор'миш — 2 ед., в гѣр'нице^а; но также: бѣръжа — с. Вознесенское, Каз. у., кѣче'ръгѣ — с. Сунгурово, Каз. у.

По отношенію къ морфологій замѣтимъ слѣдующее:

1) *Имя существительное; предложный падежъ на ѣ вм. и: на пѣредѣ—с. Сунгурово.*

Именительный падежъ множ. числа именъ ср. рода твердаго склоненія вм. а — и: колѣсы, ѣкны, корѣты...

Родит. ед. ч. при числительныхъ: два, три и проч. отъ слова „разъ“ мы имѣемъ: разѣ, не разѣ: два рас, три рас и т. п. (По сообщенію В. Д. К. ib.). Здѣсь, конечно, форма рас есть род. п. множ. ч. вмѣсто единств.

Имен. пад. множ. ч.—„дни“ при числительномъ два, три: три дни.

Имен. пад. множ. ч. именъ муж. р. собирательныхъ: кусѣя (вм. *кустья) — кустѣ.

Родит. пад. мн. ч. именъ женскаго и ср. рода на а (я), ие: бѣсѣф, бѣнеф, имѣнѣф, также: нѣишеф отъ прилагат. „нищій“.

Есть также случаи перехода именъ сущ. ср. р. на о въ женскій родъ: какѣя чѣдо^а — Лаишев. у., д. Брѣхово. Не знаю, объяснить-ли это явленіе позднимъ заимствованіемъ изъ акающихъ говоровъ, или открытостью неударяемаго звука о, извѣстной искои и говорамъ окающимъ.

2) Особенно частое, почти исключительное, употребленіе именъ прилагательныхъ краткихъ (безчленныхъ) въ качествѣ опредѣленія: Дровѣ те лѣдны; такѣ

пѣчѣ; каша полбина; гречѹшна каша; чѣрны тараканы и жѣлты; на сѣннѹ, сѣнна ѹлица (=Сѣнная); берѣзовы, сосновы дрова; апельсинна, ананасна помѣтка; ѣкны высѣки; мыт'сѣе хорѣшо; ѣзимъ хорѣша; ф шырѣстяны сарафаны; самы боѹаты носѹт шѣлѣковы платѹи; свѣтѣ не д'з'ѣля; фсѣаа с'вѣсла; какѹ пѹгвицу?; чѣшка чѣста стоѹт; она дѣлга да тѣлста; п'яна (она); вода горяча; сѣло рѹско; деревѣнска; полиц'ѣйски стоѹт; пѣлну корѣпку; гвиль-т'с'е брѣвны бѣрѹт. Это явленіе въ общемъ сходно съ явленіемъ контракціи въ глагольныхъ формахъ; мы видимъ здѣсь стяженіе звуковыхъ группъ: *ая* въ *а*; *ое* въ *о* (*о^е* въ *о^а*); *и* въ *и*; *уо* въ *ѹ*; *и* въ *и*; надо замѣтить, что во многихъ изъ этихъ приведенныхъ slu-чаевъ мы довольно ясно слышали *долгую* гласную, происшедшую изъ стяженія двухъ; эта долгая и произносится протяжнѣе, напр., въ словахъ: пѣлбина, чѣста, дѣлга, тѣлста, п'яна, пѣлнѹ. Такого протяженія гласныхъ въ глагольныхъ формахъ (см. выше) мы не слышали. Срв. у Даля (О нарѣчіяхъ. LIV) относительно Владимірской и Костромской губерній (LVI).

Есть, конечно, и полныя прилагательныя въ употребленіи: флѣки красныѹи, рѹскіѹи; есѣ такіѹи кусѣа (Сунгѹрово).

Иногда прилагательное переходитъ изъ мягкаго въ твердое склоненіе: лѣтная (вм: -ая) — с. Сунгѹрово.

Замѣчательно употребленіе твор. п. ед. ч. муж. р. прилагательныхъ и мѣстоименій (см. ниже) вм. предложнаго: въ лѣтскѣмъ садикѣ¹ (Лѣдской Садѣ — въ Казани), въ Свѣйскѣмъ мѣнастырѣ и др. — повсемѣстно.

3) *Мѣстоименія*. Въ области мѣстоименій замѣтимъ:

1) падежи отъ мѣстоименія 3-го лица *онѹ* и *она*: род. ед.: *у* жѣй; вин. ед.: *жѣѣ*; предл. ед.: въ *жѣй*; в немъ вм. въ немъ, но: обѣ *жѣм*.

Предложный падежъ отъ мѣст. *тѣмъ*: ф *тѣм* (году, дѣми). См. при прилагательныхъ.

Мѣстоименія притяжательныя, вопросительныя и от-

носительныя: мой, твой, свой, чей, какой, никакой, другой... имѣютъ въ имен. пад. мн. ч. и въ косвенныхъ падежахъ множ. ч. окончанія по образцу мѣстоименій: весь, тотъ: моѣ (спички), моѣхъ, къ моѣмъ, у твоѣхъ, своѣхъ, чьѣ, чьѣхъ, јѣхъ (вин. мн. = ихъ), по моѣмъ слѣдамъ, какѣхъ, нибавѣхъ, другѣхъ. А также въ ед. числѣ: в другѣмъ мѣстѣ, ѿ своѣмъ, съ какѣмъ-то — Лаишев. у., д. Брѣхово и друг. Это явленіе едва ли еще не общеславянское: по крайней мѣрѣ, мы имѣемъ въ серб. грамотѣ 1333 г. тоже: моѣхъ (см. Archiv f. Sl. Ph. Škrabec. Ueber einige schwierigere Fragen der slov. Laut- und Formenlehre. XIV. 321—347. Oblak. ibidem. 352). Срв. наши: со чьѣми нибудь вѣрстьяны — Губн. Грам. 1541 г. (А. А. Э. № 194. II. Томъ I). Чьѣ у него животы отняли — Судн. Грам. 1614 г. (А. А. Э. III. № 36). Въ нѣкоторыхъ сѣверно-малорусскихъ (полѣвскихъ) говорахъ формы јимъ, јихъ, јими произносятся: јіемъ, јіехъ, јіеми, а также: мојіемъ, мојіехъ, мојіеми. Срв. въ Грам. 1366 г., писанной въ Перемышльской землѣ, имѣемъ: у іехъ (у нихъ), своіємъ (своимъ—тв. ед. ч.). См. Михальчукъ. Киев. Ст. 1893. Сент. 483. Срв. Житейскій. Очеркъ зв. ист. 354. Соболевскій. Изслѣд. въ обл. р. грам. Стр. 73—75. Срв. у Даля (О нарѣчіяхъ. LV) о Владимирской губерніи.

Замѣтимъ еще употребленіе род. пад. ед. ч. „чего“: чевѣ, човѣ, чоуѣ, чоѣ, чо всегда въ смыслѣ вин. падежа ед. числа даже при дѣйств. глаголахъ: чевѣ я возьмѣю? чевѣ я пишѣю? чевѣ подѣлашъ? Или въ смыслѣ имен. падежа—подлежащаго: это чевѣ такое? чоѣ растѣетъ?

По отношенію къ род. п. мѣстоименій *кого* и *чего* слѣдуетъ замѣтить, что въ числѣ приведенныхъ произношеній этой формы встрѣчаются часто и такіе: коѣ и коѣ: „у коѣ я озвѣмѣю“, „у коѣ“, „никоѣ“; также: чоѣ и чоѣ. Эти произношенія наводятъ на мысль о звуцѣ h (γ), который или переходилъ въ e, подвергаясь потомъ выпаденію, или оставался, какъ это мы видимъ въ ювр. нарѣчіи.

4) *Спряженіе*. О глаголѣ, кромѣ сказаннаго выше

про стяженные формы настоящего времени, что относится собственно къ фонетикѣ говора, слѣдуетъ упомянуть о формахъ неопред. наклоненія на *-чи*: печѣ^м и под. — с. Сунгурово, и о формахъ повел. наклоненія: догони — Свияжск. у. и лазиѣ (отъ гл. „лазить“), наст. вр. 3 л. мн. ч. — лазиютъ — въ разныхъ мѣстахъ. 2-е л. ед. ч. хощь вм. хочешь и 3-ьи лица мн. ч. наст. вр. отъ глаголовъ съ темой на *-и*: нѣсютъ, хѣд'з'ютъ и проч., какъ и въ другихъ говорахъ. О формахъ неопр. накл. на *-чи* ср. у Дала. Ук. соч. LIV о Владимир. губерніи.

Замѣтимъ также дѣепричастіе: не обдѣрши — с. Сунгурово (= не ободравши), и „не ѣдчи“ вм. „не ѣвши“, представляющее архаизмъ. (По сообщенію В. Д. К. ib.). И причастіе отъ глагола „видѣть“ наст. вр. страд. зал. въ выраженіи: нарѣду *видомо* — *не видомо* — Лаишев. у., д. Брѣхово.

5) *Нарѣчія*. Произношеніе нѣкоторыхъ частицъ и нарѣчій обусловлено фонетическими причинами: опричі (= опричь, оприче, опрочь и т. п. др.-р. языка) — Лаишев. у., с. Зюзино; райе = развѣ; чать (вм. чай) — повсемѣстно: „чать не видно“ — Чебокс. у., Мар. Посадъ. Суды, туды — повсюду.

6) Особенно интересно и замѣчательно употребленіе *члена*: обыкновенно при един. и множ. числѣ *-те*, но извѣстно и *-то*, *-ту* при разныхъ надежахъ ед. числа: дрова-те ладны; также: хлѣба-те мало; на пороховой-те; отъ Алацегово-те завода; е'ровѣва-те нѣту. Какъ жары-те нѣтъ, то бываѣтъ хорошъ урожаѣ; лѣсницы-те (рѣсницы); еще одинъ разъ буду стирать-то^а; то-то^а и онѣ-то^а; въ ушы-ты; дрофъ *ти* не¹ надо^а; д'з'вѣрь-ту — вин. ед. ч.; молодых-т'се¹; зѣбы-те больно^а; из Вятки-т'с'е; ѣфтѣ горшѣ-отъ скорѣмный и т. п. При вин. п. ед. ч. жен. рода на *-у* замѣчается, большею частью, *членъ -ту*: своѣ-ту, кроватку-ту и проч. При им. пад. ед. ч. муж. р. на *-з* — *членъ -отъ*: хлѣб-отъ, дѣм-отъ, садѣвник-отъ. Срв. ярославскій говоръ (Даль. Ук. соч. LVI).

Въ нѣкоторыхъ словахъ замѣчается удареніе, не сходное съ удареніемъ литературнаго р. языка; есть случаи древняго ударенія: зеленó, моерó и друг. Замѣтимъ: óзимъ (с. Сунгурово), дрова смолéвыѣ — въ разныхъ мѣстахъ.

Въ заключеніе помѣщаемъ небольшой списокъ мѣстныхъ словъ, собранныхъ и доставленныхъ намъ В. Д. Корсаковой, за что ей приносимъ свою благодарность. Въ приводимомъ ниже спискѣ словъ лишь немногія внесены нами по наслышкѣ отъ крестьянъ разныхъ мѣстностей Казанской губерніи; большинство-же записано В. Д. Корсаковой въ Казанскомъ уѣздѣ, въ собственномъ ея имѣніи — Арышхаздѣ, Кулаевской волости, Каз. уѣзда.

Баклúша — низина въ полѣ, въ которой стоитъ вода въ теченіе всего лѣта, не высыхая. Даль. Словарь. Пен. с. v. баклáнь.

Балчуга — мѣстность въ Казани; балчúжнѣкъ — мелкій торговецъ зерновымъ хлѣбомъ. У Даля нѣтъ.

Башмáкъ — извѣстная мѣра; слово, употребляемое при счетѣ головъ у скота.

Такъ: одна коровья голова наз. *чередъ* (единица мѣры);

одна голова среднего, небольшого скота наз. *башмáкъ*;

два башмака = одному *череду*;

одна голова мелкаго скота наз. *полбашмака*.

(Сообщено проф. Д. А. Корсаковымъ). У Даля нѣтъ.

Безжалúнный (произн. бе'жжалúнный) — „который не жалѣетъ“; Лаишев. у., д. Брѣхово.

Безпрѣмúнно — непремѣнно. У Даля нѣтъ.

Бóльно — употребляется съ вин. п. объекта: ноги бóльно, голову бóльно и т. п. Лаишев. у., д. Брѣхово.

То-же мы имѣемъ въ ряз. говорѣ.

Бóльшенькая — въ смыслѣ полож. ст. „большáя“: „она ужъ бóльшенькая, помогать можетъ“. У Даля нѣтъ.

Буракі — брюква. Южн. свекла (Даль).

Вáтошникъ — короткая кофта со сборками, на ватѣ.
у Даля нѣтъ.

Веселѣе — быстрѣе, шибче. „Веселó ѣхали“. У Даля нѣтъ.

Вишнáя (не-) = плохо видящая. У Даля нѣтъ.

Восé, восётъ — недавно, намерен; у Даля: восётъ — вят.,
прм., арх. s. v. восé.

Выживáть — стонать со свѣта: „палець такъ болитъ, про-
сто выживáтъ“. У Даля s. v. выживать.

Вѣтрени́ца — жердочка, которой покрываютъ стогъ сѣна.
У Даля съ другимъ удареніемъ: вѣтреница — вост.
s. v. вѣтеръ.

Гáйна — хлѣвъ свиной. У Даля — сиб. s. y. гай.

Годится (не-) — въ смыслѣ „болитъ“: „палець совсѣмъ
не годится“. У Даля нѣтъ.

Годъ („къ году“) = хорошее время: „къ году, такъ уро-
дится“.

Гру́хва — брюква. У Даля — нижегород. s. v.

Длѣть — тянуть время, задерживать: „я не стала бы те-
бя длѣть“ — Чебокс. у., Мар. Посадъ. У Даля нѣтъ.

Дря́нно — нехорошо.

Е́левый — еловый (отъ — ель).

Елшнѣ́къ, елхáръ, елхóвыя дрова — ольхóвыя и произ-
водн. У Даля нѣтъ.

Жаргáниться — „сѣчься“ вѣвникомъ, хлестаться: „вѣвни-
комъ жарганиться“ — с. Сунгурово, Каз. у. У Даля
нѣтъ.

Жальлѣ́вый — жалостливый. Лаишев. у., д. Брѣхово. Срв.
другія прилагательныя подобнаго образованія: гуль-
лѣ́вый и проч.

Загвоздѣ́тъ — озадачить; штуку загнуть. У Даля нѣтъ.

Заку́та — маленькая амбарушка. У Даля s. v. закуты-
вать. (общ.).

Запузы́рѣть — стать толстымъ, (про поросятъ). У Даля
нѣтъ.

Засвѣ́титъ — см. загвоздить. У Даля нѣтъ.

Зѣ́вать — кричать: „первый позѣ́вокъ — на весь вечерóкъ“.

У Даля — тмб. влд.

Зябь, зя́бить — осенній паръ подь яровое, пахать паръ.

У Даля: каз. кур. тмб. зя́блить — кур.

Избо́йна — высѣвки; то, что отбивается при молотбѣ.

Лаишев. Брѣхово.

Ка́лиж^шка — брюква. Даль s. v. кáлева; кáлига — нвг.,
прм.; Каз. у., с. Сунгурово.

Ка́менный — употр. въ смыслѣ „глиняный“: тазъ, посуда.

Ка́рда — скотный дворъ. Даль s. v. кáрда — кáлда; вост.;
с. Сунгурово. (Въ с. Сунгуровѣ Каз. у. — лѣтнее
помѣщеніе для барановъ).

Ке́вилить — дразнить. (Вм. квелить. Даль s. v. Ярс. ниж.
влгд. тмб. орл. твр. ряз.).

Кля́ча — мелкая мякина (?). У Даля нѣтъ.

Когда́ — какъ не (въ восклицат. предложеніяхъ): когда
не знаю! когда нельзя! = какъ не знаю; какъ нельзя!

Повсемѣстно. У Даля s. v. — орнб.

Ко́личество — много, множество: „у него количество ржи“!

Коло́да — корыто для корма и поила лошадей. Даль s.
v. общ.

Кочка́рь — моховина, болотистая мѣстность съ земляны-
ми кочками. У Даля s. v. кочка — кочкарникъ, общ.

Кри́ца — холодная глинистая почва. У Даля нѣтъ.

Крупни́к(г)а — садовая крупная клубника. У Даля s. v.
крупна — ниж.

Кула́га — саламата, тѣсто. У Даля — общ.

Кули́ж^шка — „островокъ“ на нивѣ съ хлѣбомъ: „просо
взошло кулишками“. У Даля s. v. кулига — сѣв.-вост.

Купи́ть — арендовать. У Даля s. v. купецъ; общ.

Курта́йка — короткая одежда съ рукавами мужская, до
пояса. У Даля нѣтъ.

Ку́ртино^а — кладбище. У Даля каз. — чистоп. Повсемѣстно.

Кура́та — цыплята, куры. У Даля s. v. куръ — зап. юж.

Ла́базъ — приспособленіе изъ дерева на столбикахъ для
провѣтриванія овса. У Даля „ла́базъ“ — сиб. каз. —
остожье на сваяхъ подь свирдъ.

Ла́ститься — ласкаться. У Даля s. v. ла́са — общ.

- Литвинникъ — ботва. У Даля нѣтъ. Но въ значеніи хворостины, переметины — естр.
- Лоснѣнько Вамъ (или: не — — Вамъ) — пожеланія, когда холсты выбиваютъ. Богъ помочь! (?). У Даля нѣтъ. Быть можетъ, здѣсь скрывается пожеланіе, чтобы холсты были *ладки*, *лоснились* (?).
- Лотоха — торопливый и безпорядочный человѣкъ. У Даля s. v. лотохъ, общ.
- Маманя — мамаша. У Д. нѣтъ.
- Метлешить — мелькать передъ глазами. У Д. s. v. мелькать — вост. — мельтешить.
- Мозгъ — „мало мозгу“ = мало вѣса (не тяжелъ) въ человѣкѣ. У Д. нѣтъ.
- Моргослѣпъ — моргающій (по болѣзни или по привычкѣ) человѣкъ. У Д. s. v. моргать — общ.
- Мочежина — мокрое мѣсто (въ лѣсу). Даль s. v. моча; общ.
- Навяливаться — навязываться. Повсемѣстно. См. Даль s. v. навѣлѣть.
- Назобъ — досада. Срв. прил. назобливъ вм. назобливъ. Даль s. v. назоба — ряз., ниж.
- Накатъ — потолокъ. Даль s. v. накатывать; общ.
- Накрыть: „ровно што накрыло“ (нашло, отуманило).
- Напуститься — приняться (за дѣло), начать.
- Наступить — поступить (на должность).
- Нахохлиться — насупиться.
- Огоревать — устроить (?): „она огоревала свою избушку“. У Д. нѣтъ.
- Озяпать — испортить худымъ глазомъ, сглазить. Даль: озѣпать и озяпать s. v. озѣвывать — вост.
- Огородничать — красть съ чужого огорода, лазить по чужимъ огородамъ съ цѣлю воровства. У Д. нѣтъ.
- Опричѣ — кромѣ (опричѣ). У Д. нѣтъ.
- Остальный — послѣдній, оставшійся, остальной. У Д. съ этимъ удареніемъ этого слова нѣтъ.
- Отопча — отопленіе. У Д. s. v. обтапливать — общ.
- Охота (не —) — не хочется. Повсемѣстно.

Палішка — лепешка изъ кислаго тѣста. Даль: паліха — влд. s. v. палить.

Паѹжинать — ѣсть между обѣдомъ и ужиномъ. У Даля s. v. паѹжинъ — арх., олон., прм., нвг.

Переметну́ться — перекинуться (изъ окошка, напр.).

Перемѣстышки (въ —): „полетѣла въ —“ — „перекувырнувшись“, „съ размаху“.

Плѣнка — „плѣнка лѹку“ — вязка, низка. У Д. s. v. плева — влд. Лаишев. у., д. Брѣхово. Очевидно, вм. „плетѣнка“.

Пѡдловка (произн. пѡдлѡфка) — чердакъ. Даль — пен., вор., дон.; вят. — пѡдволоба.

Подошѡкъ — посохъ для дороги. У Д. нѣтъ. Б. м., при глаголѣ „подойти“?

Подтѡпокъ — родъ низкой кирпичной печки для тепла, соединяемой съ большой русской печью въ изѡб. У Д. нѣтъ.

Положить (щей, сливокъ, ...) — налить.

Понесмѣть — не посмѣть. У Даля нѣтъ.

Поросѣтница — свинья съ поросятами. У Д. нѣтъ. Впрочемъ, см. s. v. порозовѣть — сиб.

Пѡшлая — настоящая, полная: „пѡшлая работница“. У Д. мск. вер. дошлый, зрѣлый, возмужалый. S. v. пошлина.

Поя́знуться — общаться, посулиться. У Д. s. v. поязѣть — нвг. ниж. пенз. раз. Поя́знуться — ниж. Лаишев. у., д. Брѣхово.

Прокошелять — промѣшкать. У Д. нѣтъ.

Простѡй — пустой: „стаканъ стоитъ простой“. Это основное значеніе этого слова; срв. „опростѣть“, -ся.

Раздѣ́вкой — безъ одежды, раздѣ́вшись. Даль s. v. раздѣ́вать: раздѣ́вомъ ходить — ниж.

Рѣтовать — сѣтовать, сердиться. Лаишев. у., д. Брѣхово.

Розѣ́дной — разѣ́динный: одинъ разѣединный.

Рѣ́зко — внятно, громко. У Д. этого значенія нѣтъ.

Рѣ́дышный — сосѣ́дний. У Д. нѣтъ.

Салма́ — родъ лапши изъ муки (жидкая). Д. s. v. сала-
мата; татарск.

Священне — освященіе (храма).

Сдѣлать сношеніе — оказать снисхожденіе.

Скѣтникъ — скотный дворъ. У Д. въ этомъ значеніи нѣтъ.

Скричать — позвать. Повсемѣстно. У Д. — общ.

Смигчѣться — смиловаться, смягчѣться.

Сѣчни — прѣсная лепешка на конопляномъ соку и др.

У Д. s. v. сокъ; соченъ — ед: ч. — сѣв.-вост.

Стаѣть — становится — 3 ед., дѣлается.

Стоѣйка — маленькое деревянное ведро для молока, за-
крытое, съ дырочкой. У Д. ближайшее по значенію
слово s. v. стоѣть: нвг. пск. ниж.

Строжѣка — горяча, поровѣста (лошадь). У Д. нѣтъ. Отъ
сл. строгій?

Тауричься — упрямиться. У Д. — общ.

Теѣлуша — маленький теплый чуланчикъ при лавкѣ. (Въ
Казани).

Тихомѣломъ, тихѣмъ — нар. — тихо, втихомолку, неслы-
шно: „тихомѣ шла“ — с. Сунгурово, Каз. у.

Тихомѣльно — потихоньку, тайно. У Д. нѣтъ.

Тируѣмъ — вѣличка для коровъ. У Д. — вят. s. v. тирю!

Тронъ (не —) = пускай!

Трушѣмъ — труха. С. Сунгурово, Каз. у. У Д. нѣтъ.

Тюѣмъ — нижняя часть ствола березы, употребляемая
для толстыхъ досокъ. Д.: вят., пен., влгд.

Тѣбло — кивотъ. У Д. — тѣблѣ: сѣв.

Уѣжина — ужинъ. „На ѣжину подадутъ“. Д.: нвг., пск.,
твер. Въ др.-р. пам. письменности это слово извѣст-
но въ жен. родѣ.

Упреѣати — неопр. н. — упреѣать. Свѣяжск. у. (деревню
забылъ).

Усмызнѣть — общ. мызнѣшь? „Какъ усмызнѣшь колос“...

Лаишев. у., д. Брѣхово. См. Даля s. v. смѣгать.

Ѹсѣ — усѣй — недавно. Д. кал. тмб.

Усудѣмъ — (кого) — сдѣлать непріятное, уходить, упечь
кого. Д.: нвг. влгд. тмб.

Челизнá — мѣстечко, оставшееся случайно непропаханнымъ. (Цѣлизнá?). У Д. удареніе на второмъ слогѣ: вост., вят., влд.

Чишетъ — 3 ед. — чихаетъ. Даль: с. в. чихать; „всѣ чихуть“ — кстр.

Шеманáться — шематонить. У Д. нѣтъ.

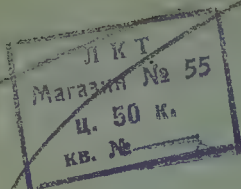
Шеняшка — жеребеночъ. У Д. — общ.

Бѣдкѣй; бѣдкая трава — съѣдобный. Срв. ряз. ядóвая: „съ-на на такъ ядóва“. У Д. нѣтъ.

Евгеній Будде.

Казань. 1894 г.

КАЗАНСКАЯ
ГОРОДСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
193 г.

2
415939/286

